

ЕВГЕНИЙ КЁНЕМАН

8 сент. 1954 – 30 окт. 1999

Н Е О Б О С Н О В А Н Н О С Т Ь

МОСКВА * 1999

30 октября 1999 г. не стало Евгения Фёдоровича Кёнемана, талантливого и разностороннего человека, моего друга с детских лет. Остались опубликованные в советской печати фантастические и юмористические рассказы, а также огромное неопубликованное наследие: сотни коротких стихотворений, три большие поэмы, повесть, пьеса. На магнитофонах осталась его музыка, а на стенах квартиры – его удивительные картины.

Остались также невыясненные обстоятельства убийства этого человека. Шёл по улице, остановлен патрульной машиной милиции. Дальше что-то произошло. Через несколько часов оказался дома и вскоре скончался в больнице. В диагнозе фигурировала "тупая травма живота".

Женя Кенеман хотел, чтоб его произведения нашли своего читателя. Он больше не будет ходить по издательствам, предлагая свои стихи и рассказы. Отныне забота о судьбе его творческого наследия становится обязанностью друзей поэта.

Юрий Насимович

П Р И Ш Е Л Ь Ц Ы

Стихотворения 1971-1978 годов

Случайна жизнь, случайна.
Случайна смерть.
"Как всё это печально -
жить и умереть."

Случаен взгляд, случаен.
Случаен миг.
И вздох свой источая,
случайны мы.

Как у дороги камень,
случаен я...
Но нет во мне ни капли
отчаянья!

... и только не случайна,
вижу,
сама Случайность.

1976

Обними меня,
солнечный воздух
летающий навстречу.

уйми мою дрожь!
Как синий дым
струящийся из трещин,
пролейся дождь!

Пролейся дождь!

О, Небо!
Раскрой свою тёплую нежность,
как утром цветов,
подари мне
прозрачную вечность
и чистый вздох.

И чистый вздох!

1975
Из текста песни
для рок-группы

Исчезла логика.
Глаза потушены.
Небо – только как условность.
Царит и властвует над душами
Необоснованность.

Из века в век,
из года в год
незыблемы законы иерархии.
Гнетут, как тысяча невзгод,
Необоснованные
Страхи...

В мгновение разум опустел.
"Где вы,
любовь и верность?!" –
Кипит и мечется у стен
Необоснованная
Ревность.

И губы тянутся к пустыне,
тела бросаются на нож,
и бьётся мухой в паутине
Необоснованная
Ложь.

Но вот опять
подходят ближе
и висают миражи, –
под сердцем где-то снова дышит
Необоснованная
Жизнь...

Исчезла логика.
Глаза потушены.
Небо – только как условность.
Царит и властвует над душами
Необоснованность.

1975

ИЗ "НОВОГОДНЕГО НАТЮРМОРТА"

Пузырьки в шампанском чуть похожи
на ёлочные яркие шары:
каждый, если он захочет, может
их в душе своей развесить до поры.

Город как рождественский пирог.
Хрустящая бумажка автострады.
У каждого свой маленький мирок
с начинкой фантастичной и пространной.
.....

Сверху смех летел фольгой дождя,
синий студень вылился на крыши,
бахромой сосуллек изойдя.
Боже мой, какая красотища!

По лестнице ступая утром рано,
не кажется ли вам, что вы
ступаете по клавишам органа
в свечах янтарнейшей смолы?

1972

ЦВЕТНЫЕ СНЫ

Розовые блики
на белой стене,
чуть приоткрытая дверь.
Синее солнце
стучится ко мне,
накинув на плечи рассвет.

А утренние розы
и мокрое шоссе
ловят жемчуг росы,
подставляя лицо
и ладони росе
красивой как Цветные Сны.

Свирелью дрожит
в зелёных лугах
бриллиантовый ручей.
Выносит ветер
меня на руках
в мир солнечных лучей.

1971
Текст песни
для рок-группы

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы – как истории планет.
У каждой всё особое, своё,
и нет планет, похожих на неё.

Е.Евтушенко

Людей неинтересных в мире тьма.
Их судьбы – суета и кутерьма.
У каждого есть что-нибудь своё:
жена, машина, мебель, дом, бельё...

А если кто-то интересно жил
и с этой интересностью дружил,
то нету для него другой судьбы,
как незаметным быть среди толпы.

Таков закон безжалостной игры.
Не люди серы – серы их миры.
И каждый раз мне хочется опять
от этой дикой серости кричать.

1975

МАЛЕНЬКАЯ ВЕЧЕРНЯЯ СЕРЕНАДА БЕЗЕНЧУКА

У цветов печальные глаза.
Повисли у таксы
печальные уши.
Пьёт кто-то, вздыхая,
печальный нарзан,
а кто-то ест вилкой
печальный свой ужин.

Печальные звери в зоопарке,
печальные люди в метро...
И даже последней собаке
печаль обжигает нутро.

И такая везде гробовая печаль,
такая траурная симфония,
что дали б мне волю –
и я б закричал,
размазывая слёзы
по физиономии.

1974

КВАДРАТУРА КРУГА

С тобою такое творится -
душа как подбитая птица!
Ты оглядываешь мир
и ты в ужасе:
одни лишь круги
и окружности!

Круглые апельсины
круглый год;
спину дугой
выгибает кот;
на воде и под глазами -
круги;
вместе со всеми
по кругу беги;
лица и мысли -
круглы
(спилены с них все углы),
а круглые дураки
круглее чем сами круги.

Совершаем круг почёта
на рогах у чёрта...

И такая кругом круговерть,
такой круговорот,
что верится:
жизнь это смерть,
и - наоборот.

Голова твоя кружится, кружится
с утра до утра,
и тело цепенеет от ужаса,
чёрного как дыра...

С тобою такое творится -
душа как подбитая птица, -
что невольно захочешь
квадратного,
кубически
резко
развратного...

1975

Себе я памятника воздвигать не стану,
к нему не зарастёт народная тропа.
Не будет он стоять на сквере истуканом,
не будет на него глазеть толпа.

И долго буду тем любезен я народу...

1976

Упал, разбился
- не счесть осколков -
жемчужный шар.
Как много значит
один лишь только
неверный шаг.

Как много значит
один единственный
небрежный жест.
Увидев жизнь,
познавши истину,
несите крест...

Тосклива ночь.
Кругом молчание.
Повёрнут ключ.
Как много значит
один нечаянно
мелькнувший луч!

Как много значат
одни всего лишь
твои глаза:
словно тихо выходишь
в чудесный сад.

Смотри внимательно,
летающий по-небу -
в лицо бьёт снег!
Как

 мало
 значит
один какой-нибудь
человек.

1976

.....

Я шёл вдоль берега мирского.
Чёрной ночи цвёл тюльпан.
Царапал небо жёлтый коготь
лунного серпа.

Ступая с каждым шагом твёрже,
я становлюсь взрослее, строже -
я сам себя не узнаю.
 Я потерял сейчас, быть может,
 иллюзию
 последнюю
 свою!

1977

Сумерки под окнами прошли.
Ночь нежна и невесома.
Не сердись напрасно
и прости,
что такой я невесёлый.

Смотри, как светит месяц ярко,
как светит он по-детски мягко -
ему, наверное, очень тяжело
быть одному среди звёзд
в объятьях мрака?
За небо зацепившись словно якорь,
он светом искупает чьё-то зло.

Включи магнитофон,
задёрни шторы -
пусть падает на пол
полоска света узкая.
Задай вопрос такой мне, чтобы
ответом на него звучала музыка...

1977

КАПЕЛЛА

Я шёл вдоль берега мирского.
Чёрной ночи цвёл тюльпан.
Царапал небо жёлтый коготь
лунного серпа.

Касалась и ласкала пена
кружевами скалы.
Горела надо мной Капелла
белой ртутной каплей.

Налётом на песок незримо
ложилась наподобье грима
волны зелёной плесень...

"Я полюбил звезду за имя.
Я полюбил звезду за имя,
красивое
как песня!"

Я любовался ею. И услышал
звёздный голос тихий -
звучал во много раз он тише
ветра в кроне пихты:
- Ты только, милый, не печалься,
но должна тебе сказать...
"Капелла" - это означает
попросту "Коза".

АВАНГАРДИСТ

Я - колдун,
 сожжённый заживо
в огне средневекового костра.
Я - путник в пустыне
 измученный жаждою -
лежу глазами
на поверхности холста.

Восславив Христа,
 теперь восславляем Иуду?!
Бросьте опять о вечности -
 что вы о ней знаете?
Я за одну плюгавую минуту
делаю больше,
 чем всё человечество за день.

Любой художник,
 любой поэт,
как земляника на тесьму,
нанизан на чёрный свет,
нанизан на яркую тьму.

И когда я пишу картину радости,
где каждый мазок - протуберанец,
ваш тривиальный вопрос о реальности
нелеп как "людоед-вегетарианец".

Я из бархатных вен
 выжму гнева сок
цветом в перезрелый
 ядовитый мухомор
и плесну на холст,
 словно вам в лицо,
 красок
 своих
 мажор!

Я не кусаюсь,
не держите меня за руки!
Посмотрите,
сейчас я спокоен и тих.
Это картины мои скалятся заревом,
чтобы стало вам больно
за себя и других.

1977

КАЗНЬ

Пусть осудит меня молва,
улыбаясь недобро,
за то, что легко рифмовал
"тюрьму" со "свободой".

За то, что глотнув звёздной пыли,
коварный как Воланд,
простреливал сердце навывлет
нечаянным словом.

За то, что идя на костёр,
на виселицу или дыбу,
хродствуя, плёл всякий вздор
про мнимую гибель...

Осудит молва. Её право.
Стараясь мне сделать больней,
осыпет она меня градом
плевков и камней.

Ликуя от боли,
опять и опять,
с кожей ободранной,
я буду в лицо ей
назло рифмовать
"тюрьму" со "свободой"!

1977

Ночь раздумий остановит время.
Тень твоя ложится на снега.
Пламенеет газовым стремленьем
опрокинутая синева.

Навевая колдовские чары,
медленно снисходят облака,
словно со стола на землю чашка
опрокинутая молока.

Пахнет воздух сладкою ванилью.
Горизонт едва предугадав,
стекленеют на немых равнинах
опрокинутые города.

За окном заснеженно и яро
мёрзнут звёздные мозаики...
На лицо светящееся рядом
опрокинуты глаза мои.

1977

ВЕЛОГОНЩИК

- Я велогонщик опытный, со стажем,
по телу шрамы как татуировка,
и стадион, на цыпочки привставший,
ждёт спурта от меня
по самой бровке.

Это очень серьёзно - рывок!
Трезвый расчёт - не азарт.
Воля тверда как базальт,
и чуть холодеет висок,
и залиты потом глаза.

Катишь со свистом, на руль налегая
и в грудь барабана коленями.

Мысли мелькают
самые нелепые.

С настойчивостью педанта
остервенело жмёшь на педали,
особенно нажимая на левую.

Для гонщика это не просто слова -
выйти со скрежетом из виража.
За того, кто попал
в завал,
не дают и ломаного гроша!

И как на треке
не хитрим мы,
одна забота:
не сбиться с темпа,
не сбиться с ритма
на поворотах.

Главное - держать дыхание.
Выбери лидера.
Спрячься за спины.
Тактика выжидания -
великая сила.

Приятно сознавать своё коварство,
когда за лидером выходишь
на последний круг,
ты первым принимаешь шквал оваций,
из-за спины его выньривая вдруг.

Затем торжественно стоишь
на пьедестале,
не чувствуя ни дрожи, ни вины...
Но
можешь быть уверен - час настанет,
и кто-то выньрнет из-за твоей спины!

1977

Мона Лиза, Мона Лиза,
взгляд твой полон укоризны.
Смерть пасует перед жизнью,
Мона Лиза.

Кто я? Схимник, врач, художник,
музыкант, поэт?

А может
я придворный и вельможа
с цепкой хваткою бульдожей?
Кто же?

Не ишу я славы, денег.
Что они? Химеры, тени...
Пусть я жалок и растерян,
надо мной сомненья демон,
демон!
Пусть в душе немая темень -
я до самой смерти с теми,
кто не нежится в постели,
с теми,
для кого один бог - Дело.
Дело!

Мона Лиза, Мона Лиза,
тайный вздох безумной мысли
на чело твоё нанизан,
Мона Лиза.

Проходили пред тобою,
вглядываясь в облик твой,
нескончаемой чередой
сотни лиц и сотни войн.

Громко хлопали дверями,
на кого-то хмуро злясь,
проходили и не знали,
что нашли, что потеряли
в отраженьях твоих глаз...

Мона Лиза, Мона Лиза,
словно птица в небе мгlistом,
тень твоя, улыбка-призрак,
Мона Лиза.

За твоей улыбкой кроткой,
за изгибом лёгким брови -
видится презренье к року,
слышится презренье к боли!

Мона Лиза, Мона Лиза,
сложит руки для молитвы
ощущенье монолита...

Смерть пасует
перед жизнью,
Мона Лиза!

1977

КОНКРЕТНОСТЬ

Был сонлив он и не весел,
как сто таблеток люминала.
Скрежеща, с трудом выскивал
языком кудрявый вензель,
напоминающий временами
иероглиф византийский.

Он, зевая, говорил, что очень счастлив,
что смеётся над врагами
и что не знакома ему зависть...
Он бросал слова, не ощущая,
как они незримыми кругами
расходятся и исчезают.

"Много мне не надо: было б мясо
и телевизор в час досуга -
вот всё, чего желаю в этом мире!" -
Он на глазах добрел и расплывался
в улыбке от уха до уха,
похожей на харакири.

Каждый сам находит себе идолов!
Нет уж, думаю, дружище,
хоть лицо твоё лоснится,
но грешно тебе завидовать:
от такой счастливой жизни
лучше сразу удавиться.

"Подожди, а хочешь - говорю, -
от сердца чистого подарю
верёвку?
На диво крепка и прочна!"
"Спасибо, не надо, благодарю!
- он мне отвечает, сонлив и угрюм. -
Тебе самому пригодится она."

1978

ЧТЕНИЕ ВСЛУХ

Убивая поэзию наповал
скукой едкой как нашатырь,
пережёвывают мёртвые слова
увядшие рты.

Это называется чтением:
пальцами зубов
разминается воск губ.
Молитвенно движутся челюсти -
слышите гул?

Давя глазами буквы-клавиши,
напевая скорбный реквием,
знаю,
унесут они на кладбище
любое стихотворение.

1978

КРОМЕ

Как все, издёрганный, заверченный,
как все, в джинсах и куртке замшевой,
незнающий, куда себя деть вечером,
похороненный в своём обличье заживо -

воскресни!

И не бойся света.
Не бойся темноты, собак и дыма,
не бойся своего соседа,
не бойся полюбить и быть любимым.

Ты над самим собой возвысься
монолитом, памятником, обелиском,
ты собственной не бойся крови,
возвысься
до немыслимого риска,
и ничего не бойся... кроме
тщедушного соблазна компромисса.

1978

НАШЕ РОЖДЕНИЕ

... И мы с тобой вернулись.
Ненастье в клетки листьев затворило птиц.
Из-за дождя не видно было площадей и улиц,
не видно было лиц.

И мы с тобой вернулись.

Мы в дом вошли, продрогшие и мокрые,
в дом чопорный как англичанин в смокинге,
в дом с наглухо зашторенными окнами,
в уютный тёплый дом, где жить нельзя,
где так ужасно одиноко нам,
где по полу не ходят, а скользят.

Дом представлял собой кошмарное единство
поэзии, разврата, музыки и свинства -
здесь зеркала корёжились
от дураков и дур...

И мы, другую выбрав для рождения звезду,
решили тайно, что родимся
не в этом, а лишь в будущем году!

1978

Сердце болит всё чаще.
Неимоверный стук усталости.
Кто подаст отравленную чашу
или, наконец, простого чаю
продрогшей и озябшей старости?..

Сердце болит всё чаще,
чаще.
- О, боже! - восклицаю я. - Конечно
ощущать боль в сердце - счастье,
я согласен наслаждаться болью этой вечно (!),
вслушиваясь в шум тишайший,
ощущать пульс каждой клеткой тела,
о, боже! - восклицаю я. - Конечно,
это счастье!
Но вот какое дело:
сердце болит всё чаще,
чаще...
Лелея боль любовью нежной,
как бы не сыграть случайно
в ящик.

Сердце болит всё чаще.

1978

ПРИШЕЛЬЦЫ

Уподобясь облаку иль духу злому,
словно
спичкой о стекло,
мы скользнём по небосклону
непонятым НЛО.

Будет шелестеть лучами
утро.
Будет.
Но пожав плечами
озадаченные люди
нас проводят взглядом хмурым.

Преодолевая тяготенье
тяжело как воды Стикса,
растворяясь в небе белой тенью,
мы уйдём в другое измеренье,
не успев ни с кем проститься.

1978

СКОРО

Много ли осталось?
Самая малость.

Нервозность
истошна
как зуммер -
лови свинцовый низкий отзвук!
Кипящий близ асфальта воздух
свободен, чист, ненаказуем -
как загнанная лошадь
дрожит и стонет.

Стойте,
это надо запомнить.

Память - потайная дверца
в детство.
- Тропинка
в крапиве,
жизнь мою воспоминанием укрась!

Старость
это когда и друзей не осталось.

Банально рифмовать "усталость",
но "старость"
не рифмуется со словом "страсть".

И если вдруг зияет память чёрной раной,
нам кажется почти желанной
та тишина,
которая настанет...

та тишина, которая как на воде круги
от камешка,
когда-то брошенного в детстве...

та тишина, которая в груди
как тень преследует
удары
сердца.

1978

Пульсирует снежный туман.
 Лепестками белых роз
 сыплется с неба зима,
 с неба
 полного звёзд.

Опустились сумерки неожиданно,
 как-то вдруг смешался свет со мглой.
 Протянулись тени мироздания
 зыбкой и несбыточной мечтой.

Опустились сумерки как занавес,
 и в закате гаснут огни рампы.
 Города реклам вздымают зарево
 на ночных пушистых лапах.

Одним из тысяч быть в толпе не трудно.

Я шёл по улицам среди людей,
 и лица вспыхивали лунно
 под свет чахоточный от фонарей.

Деревья на заснеженном бульваре
 кокетничают сказочным поверьем –
 у них сегодня чрезвычайно популярен
 тихий шёпот ветерка по ветвям.

Я заглянул сюда случайно
 и никак не думал здесь найти
 такого мерного молчанья
 незатейливый мотив.

Пульсирует снежный туман.
 Лепестками белых роз
 сыплется с неба зима,
 с неба
 полного звёзд.

Свежестью обворожительной дыша,
 стелется у ног
 Стекланный Дым.
 Перед глазами звёзды мельтешат,
 и хочется выпить
 холодной воды.

Дышал мороз со скрежетом маталла.
 Замерз я ужасно,
 ужасно,
 ужасно.

За углом меня поджидало
 кафе с визжащим джазом.

Я ворвался туда,
 продрогший и белый,
 в объятия усатого швейцара.

Публика была чернее мела,
публика пила
и танцевала.

Сажусь за столик,
заказываю коктейль,
ухмыляясь нарядам разных чудаков -
от фраков и немислимых декольте
до изжёванных джинов
и рваных кофт.

У большинства на лицах были маски -
зверинные или гангстерские.
Дамы дарили улыбки и глазки
широко и мастерски...

Вот она, розовая конфетка!
В сиянии рюмок и люстр,
вздымая пломбирный бюст,
на эстраде полная брюнетка
исполняла пошлейший блюз.

Из мягкого сумрака
ко мне навстречу
выплывали световые пузыри.
Это загорались
перламутровые свечи,
как отблеск той странной Зари.

Скоро полночь
новогодней ночи.
"Десять" пробили часы...
И вдруг я узнал среди прочих
друга-поэта в маске лисы.

Он сидел за стойкой бара,
полоская свои мысли в стакане,
как пластмассовую челюсть.
Громко смеялся
и что-то говорил
про философский камень,
про нравственность и честность.

Он был, как и я,
самонадеян и молод,
готовый сдвинуть любую гору.
Слава, убийственный молох,
уже тянулась к его горлу.

Он восседал в окружении пьяниц,
снобов и чванливых стариков,
в окружении глупых
и пышных красавиц,
в масках и жёлтых трико.

Увидев меня, закричал через зал:
"Ого, дружище!
Подсаживайся к нам.
Чего ж ты один?
Почему опоздал?
Эй, человек,
скорее вина!"

А у меня настроение
зелёное –
я сам себе противен.
Определённо,
перепил аперитива...

Общество подобралось, что надо!
Стадо.
Один Философ,
решающий сотни вопросов;
один Художник,
решающий их тоже;
одно старое тупое рыло,
которое всех крыло;
мой друг-поэт,
изящный как ботинок,
и штук пять девиц-блондинок.

Я, зануда,
завершаю это блюдо.

Поверьте, здесь смешного мало!
Как пьяная шалость,
свершалась
драма.
Драма. ДРАМА!

В пустой беседе за стаканом,
в обычных и ленивых прениях
сокрушают, как нокаут,
неожиданные Откровения.

Ф И Л О С О Ф .

Изжёванные брюки
цвета брюквы
и рубашка красная,
мятая и грязная.

Он ел кусок бисквитного торта
и ему было тошно,
будто жевал он поролоновую губку,
пресную и гулкую.
И всё же ему было хорошо...

- Хорошо вот так сидеть в тепле,
струящемся по жилам и по косточкам.
Один секрет раскрою я тебе:
лекарство от всех бед -
Спокойствие, Спокойствие.

Пусть ложь, грабёж,
война и плачут дети -
хоть кол на голове теши!
Какое в сущности до этого нам дело?
Главное - Спокойствие души.

Стоит ли "брюзжать" слюной,
кричать и рваться,
бить кулаками в грудь
иль в морду попросту?
Много, много сволочей,
но стоит ли мараться?
Всё попусту,
всё попусту!..

- Дай-ка я теперь скажу! -
перебил его сильно поддатый
старик, завсегдадай.
- Я вижу,
думаю,
хожу...

С Т А Р И К .

Он сидел покачиваясь,
демонстрируя круглую как блюдце
плешь на затылке,
поминутно поправляя галстук и очки,
сдувая или стряхивая щелчком
с пиджака невидимую пыль.

- Мир всё наглеет и пошлеет!
Видали брюк полуметровый клёш?
Патлы по-пояс,
цепи на шее?
Вот она, современная молодёжь!

Что за идеалы, что за мода
у этого сброда!

Может скажете:
когда твистуют,
оне протестуют?

Ответьте мне вы,
молодой и здоровый,
к чему такой гомон
и такая прыть?
Чем я могу быть доволен
и чем вас прикажете крыть? -

Старик побагровел от злости,
потёр свирепо кулачки -
и дружно заскрипели кости,
и запотели вдруг очки.
Сколько же клопиного в нём яда!
Оправив галстук, сдув пыльцу,
он своим утрированным взглядом,
как бритвой, чиркнул по лицу.

Х У Д О Ж Н И К.

Длинный красивый парень,
длинные по плечи патлы
и длинные тонкие пальцы.

- Слушайте страшнейшую из тайн
вы, глядящие из омота:
Живопись - вот мой Клондайк,
и вечность - намытое золото.

Смотрите, как вальс
Карнавал закружил!
Ах, девушки кружат
и в мини, и в макси...
Зачем, не пойму только,
маски нужны,
когда наши лица - как маски...

5

Пульсирует снежный туман.
Лепестками белых роз
сыплется с неба зима,
с неба
полного звёзд.
Свежестью обворожительной дыша,
стелется у ног
Стеклянный Дым.
Перед глазами звёзды мельтешат,
и хочется выпить
холодной воды.

Это же ведь праздничная ночь -
мне не надо быть таким сердитым!

И я удаляюсь прочь
по скользким
и холодным плитам.

С какими мыслями несвязными
я прожил этот чёрный день!
Окно замазала руками вязкими
прожорливая темь...

Этой ночью,
ночью сахарной
ещё сильнее мёрзнет
ТОСКА, которая из хаоса
порождает звёзды.

Свеча мигает,
удлиняя тени -
я очень люблю полусумрак,
когда от скрежета метели
буквально теряешь рассудок.

Отражают подсвечники огоньки
поверхностью матовой меди...
Твои шаги
так тихи и легки -
ты вошла, я тебя не заметил.

Мы дорожили своей сказкою.
Мы были очень хорошие.
Мы пили ледяное шампанское
и ели пирожные.

Ты мне ничего не говорила,
я ни о чём тебя не спрашивал.
Музыка переливалась и парила,
и было совсем не страшно.

Чёрный воздух к окнам примерзал
и мерцали наши лица.
Я внимательно читал твои глаза,
перелистывая
ресницы.

Мы уходим в сторону лет на сто.
Весь мир и весь свет отдалён.
Это похоже на колдовство -
Новый Год встречать вдвоём.

На пахнувшей радугой ёлочке
игрушки сверкают и льются,
и падают иголки
ко мне на блюдце.

Ты глядишь вино на свет лукаво -
тебе нравится его цвет.
Я стеклянную ладонь бокала
протяну тебе в ответ.

Не надо.
не надо по жизни печалиться,
просто голову положи
ко мне на плечо.

Пусть деревья качаются, качаются
и медленно время течёт...

Ты смотрела на меня
в тяжёлом молчании,
что разливалось по стенам
багровыми отблесками,
и твой горячий поцелуй,
который блуждал по моему лицу,
передал в этом молчании бесконечность.

Ну, зачем,
ну, зачем ты пришла
новогодней этой полночью,
когда моя задыхалась душа
в холодеющем крике о помощи.

Мы давно,
мы давно уже знаем
и давно уже поняли,
что не было любви между нами
и расставаться надо с болями.

Я чуть-чуть виновато
тебя целовал
в губки ласковые и святые.
Когда ты со мной,
то любые слова
кажутся пошлыми
и пустыми.

Да и к чему они нам,
звучащие цитатами
из какой-то старой,
очень старой книги?
Ты подари мне поцелуй
неделимый на атомы
и взгляд
красноречивый и многоликий...

Любовь,
слившаяся
с молчаливым пониманием -
может быть, это и есть СЧАСТЬЕ ?

Не надо.
не надо по жизни печалиться,
просто голову положи
ко мне на плечо.
Пусть деревья качаются, качаются
и медленно время течёт...

Мы живём,
мы живём, как играем с листа:
ни одной нашей ноты здесь нету!
Сожалею, что пока ещё не стал
твоим "любимым" поэтом.

Этой ночью,
ночью сахарной

ещё сильнее мёрзнет
ТОСКА, которая из хаоса
порождает звёзды.

Мы ели красивые пирожные
с душистым шампанским -
нас покидало наше прошлое,
нас покидали наши сказки.

В бокалах высокая пена
и долькой лимонной луна...
Я чувствую, что постепенно
схожу с ума.

7

Мне обманывать тебя неинтересно:
не хватает нам свободы и простора!
Я лучше сяду поудобней в кресло
и почитаю "Диалоги" Платона.

" - Начало не имеет возникновения.
Из начала необходимо возникает
всё возникающее, а само ОНО
ни из чего не возникает.
Если бы ОНО возникало,
оно бы не было началом.
Но так как оно не имеет возникновения,
то оно и неуничтожимо.
Если бы погибло начало,
ничто другое не могло бы возникнуть,
потому что ВСЁ рождается из НАЧАЛА.
Так почему же
Вселенная возродилась из Хаоса,
если уже Хаос не есть начало!!!

*

Гармония - это созвучие,
а созвучие - это своего рода согласие.
Раздваивающееся и несогласное
нельзя привести в гармонию, что видно
на примере ритма, который создаётся
из расходящихся сначала
замедлений и ускорений.
А согласие во всё это вносит
музыкальное искусство, которое, как и поэзия,
устанавливает любовь и единодушие.
Следовательно, гармония есть знание
любвных начал, касающихся строя и ритма,
и любовь здесь не двойственна...

*

Любовь есть стремление к прекрасному
и стремление познать себя в этом прекрасном.
Человек, которому довелось бы увидеть
прекрасное само по себе чистым,
не обременённым красками, запахом, вкусом
и другим вздором,
если бы это прекрасное
можно было увидеть во всём его единообразии,
то этот Человек
не смог бы жить жалкой жизнью.

Лишь созерцая божественное прекрасное,
каким оно есть, он сумеет породить
не признаки добродетели,
а добродетель истинную, потому что
постигает он истину, а не призрак.
Кто возродил в себе или в ком другом
истинную добродетель, тому и достаётся
в удел Любовь, и если кто из людей
бывает бессмертен, ТО ИМЕННО ОН."

8

Я один, но мне ещё слышится
долгий взмах её ресниц,
и где-то шепчет и кольшется:

"Рискни!
Рискни, рискни!"

Воздух крутится пуховый
мрачно и изломанно.
И боль ушла...
И ночь уходит...
И наступает что-то Новое.

Сочится имеем в окно
морозец в ясном ситце.
Всё спит.
Вокруг белым-бело,
а мне совсем не спится.

Приходит к нам
мгновение безмолвное,
стучится мысль
в глубоком тайнике -
вдруг озарит тебя,
как озаряет молния
фигурку маленькую вдалеке.

Я один, но мне ещё слышится
долгий взмах её ресниц,
и где-то шепчет и кольшется:

"Рискни!
Рискни, рискни!"

Оживают и движутся деревья,
оживают и движутся тени:
Ночь Новогодняя -
лучшее время
для духов и привидений.

По углам пробегает
шелест и шорох,
по нервам струтся
тишайший грохот...
И является НЕКТО в шторах
с тонким ликом пророка.

Он плавно спускается вниз
со старым и пыльным знаменем -
по диагонали герб

и девиз:
"Преступление и Наказание".

- Скажи, тебе знакомо знамя?
Эту Правду ищешь ты неистово?
Послушай,
ты то знаешь,
что поэтом быть - самоубийство?!

Судьбы поэтов тебе известны...
Не надо громких слов -
- их судьбы похожи на вестерн,
где побеждает зло.

От Преступления до Правды
один шаг.
Ржавым гвоздём чужой вины
расцарапана будет твоя душа -
тебе не остаться живым.

Кто раз испил
из горькой чаши Истины,
вдохнул раздумия туман,
нет для того убийственной,
чем сойти с ума.

Учти,
в ПОЭЗИИ нет брода...
Но я пугать тебя не буду.
Для настоящего поэта
это просто работа -
убивать себя каждую минуту.

Я открою чудесную тайну тебе.
Истина проста:
Правды существует только две -
Гений и Красота.

Гении - добрые и злые боги,
пусть и присыпанные нафталином...
Гении всегда одиноки,
потому что неповторимы.

Красота - магический символ.
Не страшна ей никакая суета.
И если Гений должен быть красивым,
то должна быть гениальной
Красота.

Я вижу, ты ищешь не Правду,
а себе оправдание.
Ты это понял,
а большего не надо.
Осознанное страдание
перестает быть страданием -
и это тоже Правда...

"Кто из нас, скажите,
уберёт
от увяданья хоть один цветок?
Кто из нас, скажите,
так безумен,
чтоб мог зажечь хотя б один Везувий?

Взгляните строже и увидите,
какой в сущности архаизм -
реактивный двигатель
и абстракционизм...

-Прыгай же! Тебе не выйти из пике! -
Прыгнул.
Но не раскрылся парашют...
Дрожит револьвер в напряжённой руке.
У тебя я прощения не попрошу.

Гонщик на треке затравленным зверем.
Колёса с шипами.
И розы с шипами.
В чём я могу быть уверен?
Странная вещь - наша память.

Оглядываюсь.
Где я?
Кто мне ответит?...
Толпы людей спешат на вокзал.
У кого есть лишний билетик?...
Извини, любимая,
я чуть-чуть опоздал.

Выбежала девочка вдруг перед тобой,
ты в ужасе рвёшь тормоза...
Какое счастье,
что небосвод голубой,
голубой как твои глаза!

Вы знаете,
я был вчера влюблён!
Наповал сражая мягким запахом,
приходила дивная как сон
кукла,
протёртая с сахаром..."

Прощай, моя келья убогая,
прощай, моя тюрьма!
Пусть тьма,
как зеркало вогнутое,
и в мыслях кутерьма...

Ах, эти дымные
утренние сумерки!
Я их ждал и встретил.
Под окнами деревья в судороге.
Чёрно-белый ветер.

Встаёт ещё одна Заря,
чинно и спокойно.
Утро.
Первое января.
Год такой-то.

Как только горизонт порозовел,
весь Город стал розоветь.
Обязательно
выйду к этой первой заре
и буду смотреть.

Наконец покину своё логово,
выйду и буду бродить,
и буду, как в розовый колокол,
в НЕБО звонить...

10

О, небо,
мистическое небо из сумеречных
рассветов,
небо, дышащее зелёными дождями!

Оно нависло надо мной,
и я почувствовал его так близко,
что мог бы дотронуться до него.

Я ступаю на широкую полосу снега,
как на перламутровое облако,
медленно погружаясь в него.
Надо мной Небо, подо мной Город -
я уже не слышу его гула,
а вижу только слабый его отблеск,
подобный плесени,
покрывающей древние стены саркофагов.

От полосы снега
отделяются серебряные нити,
спускаются книзу
и плывут в невозмутимой тишине,
в такой тишине, что каждый звук висит,
как распятый в воздухе,
и глохнет свет.

Я наслаждался этой торжественной тишиной
и был почти счастлив.
Огни зари не казались уже такими яркими
и светили как бы через толщу воды.

В какой-то момент я увидел,
как ко мне склонился
неуловимый призрак девушки
с руками, сквозь которые просвечивали
мириады солнц.
Она протянула мне лучистую чашу,
и я напился чувством вечности.
Я полюбил эту девушку,
как воспоминание о давно забытом.
Из чёрных туманностей выросла любовь
в пасмурное подножье небес
и поплыла надо всем царящая красота.

Исчезли сомнения и страхи.
Теперь я имею такое могущество
и такую власть над небом,
что приковываю намертво к нему
эту минуту,
эту безжалостную минуту раздумья!

Я стал наполняться ураганной силой,
голова моя росла к небу.
Я стал огромен как Солнце.
И я должен был
вынести на своих руках,
воздетых колокольным звоном,
рассвет.
РАССВЕТ.

И вот я слышу гимн, стройную песню:
глубокая нота,
а за нею льются
синеватые всполохи света...

Стеклянный Дым,
Стеклянный Дым,
острые осколки.
Стеклянный Дым,
ясный
и высокий...

Песня становится линией,
дыхание перевоплощается в плоскость,
уходящую круто за горизонт.

Песня становится всё громче и громче,
пока не заполняет своей мелодией
всего пространства.
И я уже слышу бешеный вихрь её крыльев,
вот
бьются волны, воспламеняется воздух,
вот
уже проблеск безграничного простора,
вот
дыхание ВЕЧНОСТИ...

... Я иногда поутру
 выхожу и, как у огня,
 грею я руки в снегу,
 и он согревает меня.

Цепочкою идут дома,
 как по пустыне караван.
 Свисает с окон бахрома.
 И как отрубленная голова,
 скачет Солнце по холмам.

Обрушивается,
 словно водопад,
 Туча,
 сладкая как дыня,
 Туча,
 треугольная как Бонапарт,
 Туча
 Стеклянного Дыма.

Я иду к встающему рассвету,
 к рассвету,
 вдохновляющему нас.
 Налагаю строжайшее вето
 на дурные мысли в этот час.

В далёком небе
 целые люстры звёзд
 блестят подвесками хрустальными,
 и мне показалось,
 что ветер донёс
 звон ароматный и усталый.

Одна из них
 упала на ладонь,
 упала и растаяла,
 и... стала простою водой,
 простою водой,
 а не тайною.

Мне было и обидно,
 и досадно...
 Но только я к губам её поднёс,
 как оказался вдруг
 среди большого сада,
 среди большого сада Белых Роз.

Я опустился перед ними
 на колени -
 до того они казались велики!
 И мне в лицо
 летели и летели
 белые-белые лепестки.

К О Н С Т А Т А Ц И Я

Стихотворения, написанные после 1978 года

КОНСТАТАЦИЯ

Сидим в мягких креслах
и рассуждаем:

"Вот небо.

Мы смотрим на него и замечаем,
что оно насквозь изъедено червями.

Вместо плотного
круглого плода -
мочало!

Мы смотрим на небо
и предаёмся печали.

Мы, как и небо,
словно источенные плоды -
ждём, когда нас разбросает ветер.
Мы, как и небо,
только звёздный дым -
мы лишь любуемся своим бессмертьем.

Мы заглядываем в себя...
Уже воздух точно из плеча,
уже неизлечима душевная хворь -
тянет броситься
без единого всплеска
в вечность, тёплую как кровь.

И Бестелесные Величественные Птицы,
взмахнув ладонями,
разгонят этот дым...

Нам, как и небу,
никуда не скрыться
от чёрных дыр."

Сидим в мягких креслах
и рассуждаем,
потягивая терпкое вино
из высоких бокалов.

Радостно быть в потоке.

Пусть длится это вечно!
От нас шарахается нечисть,
как будто мы под током.
Радостно быть смерчем
в последний час подонков.

Радостно быть в потоке.

Сегодня нельзя быть беспечным.
Лукавую рану залечит
рассвет на востоке -
радостно быть предтечей,
ликующим и ясноокиим.

Радостно быть в потоке!

Чужая душа?
Иногда мне кажется: хорошо - ещё бы! -
что наши души похожи на пучок джунглей.
А кто-то сидит в этой чащобе,
запуганный собственной жутью,
и вздрагивает всякий раз,
когда кричат попугаи...
Бесстрашным и честным быть
каждый горазд
лишь в пьяном угаре.

Вокруг всё выжжено полднем,
а здесь
прохлада, тень, скользят змеи...
Хорошо.
Сладкий ужас.
Грозди трупов.
Финики. Бананы. Лианы лжи.
Войти в твою душу никто не посмеет!
Сиди один и дрожи...

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО

Брожу безмолвный по земле,
молчать устал,
я заколдован словно.
Злая сонность.
И только те слова
мне разомкнут уста,
в которых зазвенит
разъярённая совесть.

Поверь, нет ничего страшней,
чем немота.
Руби хоть топором
своё деревянное горло.
Безгласную память,
как с барахлом чемодан,
тащу на себе
из города в город.

А там,
среди домов, и лиц, и улиц,
душа мельтешит,
пытаясь взглядеться в себя,
и ночью, и денно...
Но всё же одно (это точно!)
я твёрдо решил:
стихи о стихах –
последнее дело.

Немеркнущей памяти Джона Леннона

/9.12.80/

Всё.

Негнущееся солнце.
Внезапное гулкое утро.
 Хищный, раскованный стиль.
Небо с обвалившейся штукатуркой.
Сырость. Крысы. Пыль.
Промозглая стынь.

И в этом доме,
где вместо цветов растёт плесень,
посреди пустыря,
в облаке лживого смрада,
 живут бродячие поэты
 и записывают свои песни
 прямо на обоях
 яркой губной помадой...

... похожей на кровь.

ТРУБАДУРЬ

Дали дурням дудки
протрубить судьбу.
Ну и рады дурни
дуть своё "бу-бу".

Взяли трубы в руки.
А кого любить?
Вот ведь счастье - муки
просто так трубить!

Будем до икоты
щёки дуть себе.
Нам пропеть бы ноту
на своей судьбе.

В ящик из-за такта
нас зовут сыграть.
Наша жизнь - загадка,
век не разгадать.

Что есть силы дуем
"зорьку" и "вперёд".
Наши трубы дулом
вкладываем в рот.

Что ж теперь поделать,
дарена судьба -
мы идём к победам,
наша жизнь - труба.

ДОЛГИЕ ЧАСЫ

Жду
когда наступит утро,
ощущая душный трепет -
иногда,
лишь уплотнится сумрак,
в комнате моей, как в склепе.

От окна
сквозит холодным звоном,
за окном бело и люто.
Закурю -
хоть дыма волны
принесут чуть-чуть уюта.

Друга я не видел с лета...
Ну а что же будет дале?
Сокращая жизнь мне,
сигарета
сокращает ожиданье.

СТРАШНОЕ КИНО

Нас оберегают
от ужасов в кино -
от ведьм и вурдалаков,
вампиров и дракул.
Но если рассудить,
ведь это же смешно -
нас не пронять таким кино,
понятно дураку.

Ф И Л Ь М У Ж А С О В

Не видел и не надо,
господи, прости!
Такая это гадость,
что глаз не отвести.

Такая это мерзость,
что лучше не смотреть -
совсем не будет страшно
в аду тебе гореть.

Ф И Л Ь М У Ж А С О В

Какой такой таится
немыслимый секрет
в этих страшных сказках
для взрослых и детей?
Неужто шабаш ведьм
и упырей кордебалет
ещё кого-то может
из наших удивить людей?

Ведь честно говоря,
нам не привыкать.
Подобными кошмарами
лишь девочек пугать.

Ф И Л Ь М У Ж А С О В

Такая выпала судьба -
не ведаем иной.
Волос дыбом и мурашки
по спине так и бегут.
Нас оберегает
от ужасов в кино,
а от ужасных фильмов
совсем не берегут.

Ф И Л Ь М У Ж А С О В

Подумаешь, вампиры!
Здесь жизнь вся на кону!
Такой случался ужас -
не снилось никому.

Запуганные с детства,
нам врезалось навек,
что агент Госстраха -
самый страшный человек...

! Ф И Л Ь М ! У Ж А С О В !

ПРОЩАЛЬНОЕ

Остаться одному,
совсем одному...
Тёплая прокуренная трубка в ладони.
Синий потолок в сияющем дыму
становится всё глубже и бездоннее.

Остаться одному,
совсем одному...
Притягивается облако к ладони.
Живут воспоминания в дыму -
крошечное прошлое
с веками всё бездоннее.

Остаться одному,
совсем одному...
Вот так лежать как трубка на ладони
и тихо гаснуть в холодеющем дыму,
глазами становясь
всё глубже и бездоннее...

КОГДА?

Не хочется думать, что всё пройдёт,
пройдёт бесследно...
Утягивает мир под лёд -
всплывёт он летом.

Однажды
лишь заблещет луч в росе,
всплывёт он ясным чистым утром
и явится во всей своей красе...
Хотелось бы,
чтоб всплыл не трупом.

НИКТО УЖЕ

Убедитесь воочию:

когда вселенский час окончен,
когда звенит последний колокольчик,
люди,
брошенные в муках и корчах
на мириады звёздных игл
пронизывающей ночи,
люди,
неразборчивые
как почерк, -

и тот, кто собой чересчур озабочен,
и тот, кто в почёте
и славой испорчен,
и тот, кто выдернут и обесточен,
и тот, кто в траве возлежит у обочины,
и тот, кто любимой своей заморочен,
и тот, кто у власти,
и тот, кто всех громче
кого-то порочит,
кому-то пророчит,
и тот, кто не может короче -
НИКТО УЖЕ НЕ ХОЧЕТ !

Никто уже.

И всё же...
Ожесточившись в душе,
оглушённые скукой истощной,
мы жизнь, словно приторный джем,
стараемся мазать потолще.

Убедитесь в должной мере:

когда, как черви
яблоко,
буравят тело нервы,
когда не ветры -
скверна
стибает до земли деревья,
и вдруг в глазах такие дебри,
что гаснет день и солнце меркнет,
и нет
уже былого рвенья -

убедитесь без истерик,
из тех, кто смертен,
никто уже не верит!

Никто уже.

И всё же...
Как в дом пустой и настороженный
закрывается в сердце ужас
растаявшим мороженым.

Убедитесь, став внезапно тише,
убедитесь, от крика освободившись:
среди
людей охрипших,
идей прокисших,
среди стекляшек и пустышек,
когда словами разум выжжен,
когда считается слух лишним,
голоса света,
голоса друга,
голоса свыше

никто уже не слышит!

Никто уже.
И всё же...

Язык изнашивает от зуда немоты.
Губы твёрдые сжаты,
зубами прикушенные.
Забыты слова настоящие –
остались назойливые до тошноты
и скучные-скучные.

Невысказанность – тишайшая из болей.
Кого взволнуют вереницы
чёрных и плоских букв?
Не родится в утомлённом онемевшем горле
ни песня, ни вопль, ни бунт.

Словно в подкидного дурака играли –
слова замусолены, стёрты, истасканы.
Мозг отравлен
ложью театральной,
вздором
и скверными сказками.

Легко взять и вырезать
из бумаги по трафарету
бутафорную страсть или радость.
Если образ потускнел – добавьте ретушь.
Инея навык, недолго красить...

Но невыносимо говорить
фальшиво и элегантно!
Уж лучше мы будем молчать.
Будем брести кто-куда немymi гигантами
и громко мычать.

Как долго не восходит солнце!
Когда сыграешь в аут,
года в пучину канут,
сумеешь осознать утрату -
взбежишь на облака по трапу
туда, что выше всяких табу
на целую октаву,
где нас помирят невесомость...

Как долго не восходит солнце!
Уже гудят призывно барабаны,
огромные как брёвна баобаба.
Короткий вздох свой выпьем залпом,
преследуя удар набата.
Бродячие певцы и акробаты,
мы не скорбя уйдём из балагана.
В пути нам не страдать бессонницей.

Как долго не восходит солнце!
Какой сегодня день, какое время?
Что ищем, нищее отребье?
Скрипим пером кому-то на потребу,
чтобы затем скрипеть зубами
от мигрени?
Нас никакие звёзды не согрели,
так неужели же согреют бредни?
И птицы не летают над отравленным колодцем.

Как долго не восходит солнце!
Нет звонче песни, чем об стену лбом.
Нет веселей забавы,
чем дуплетом влёт.
Спокойны и скупы, как на воде бульон,
махнув на всё рукой,
себя мы не убьём,
себя презрением не обольём...
Когда развесят нас сушиться
как бельё,
посетуем, устав ждать солнце:
"Как долго не восходит совесть!"

ИЗ "ПЕСЕНКИ ДЛЯ ДУШИ"

Все, как один,
в свой час
откинем в ночь копыта.
"Изьди, пропади!" -
при виде нас
завоют демоны, не ждавшие визита.

Все, как один,
в свой час
протянем дружно ноги.
"Кто там ещё? Входи!" -

БЫЛЬ

Снова Жизнь трусит в суете,
пробавляясь то хлебом, то зрелищем.
То бежит впереди, то плетётся в хвосте.
Где-то лаской одарят, а где-то затрешиной.

Только Время – наездник лихой –
манит знаменем выйти в сражение.
Наградит тогда Жизнь с лихвой
и победами, и пораженьями.

Только Время трубит и влечёт.
Ну а так ли уж нужно ускорить шаг?
И, как будто бы ты ни при чём,
снова тащишься пиво пить с корешом.

Снова Жизнь в чужой колее
по дорожке столичной волочится.
Кто-то слабый уже окошел.
Посильнее кто – тот ещё корчится.

Ко всему привыкаешь в пути,
и к надеждам, и к ожиданиям.
Здесь до многого можно дойти...
Даже против желания.

Очень много по земле бродит сволочи –
ни за грош продадут,
кого хошь предадут, –
в их компании жить просто мочи нет!
Терпеливо так ждут,
когда знак подадут –
чтобы слабого пнуть, стоят в очередь.

Чья-то боль, чей-то страх им служит компасом,
жизнь чужую они ценят дёшево.
Любит мразь эта бросится скопом всем
на того, кто один-одинёшенек.

Как же быть с этой чёрною падалью?
Отмолить им грехи под лампадою,
всё забыть, даровать им прощение?
Как же быть с этой чёрною падалью?
Сердце честное просит отмщения.

Чтобы было им всем неповадно впредь,
воздать всей их сволочи сторицей...
Но...

Не сплотиться нам, нет, и подавно, ведь
можно так им самим уподобиться.

1988

ЗНАКОМЫЙ ПЕЙЗАЖ

Прозрачный деревенский запах.
Благоуханье трав и вишен.
Дороги пыльные в ухабах.
Дома прогнившие до крыши.

Заборы серые, некрашенные.
Кривой заклёванный подсолнух.
Сидят рядом с глазами страшными
старухи пряного посола.

Текут ручьи зловонной браги
в канавах с дохлыми собаками.
Толкутся боровы в овраге,
деля кусок в помоях лакомый.

Два мужика, обняв лопаты,
пьют водку на цветочной клумбе.
Смеются девки конопатые –
вчера "комедь" крутили в клубе.

Прокишшая речная тина.
Сады поросшие крапивой.
На небе ржавое светило
качается неторопливо.

Церквушка ставшая сараем
стоит над кладбищем забытым.
Тяжёлая земля сырая
в трясине утопила плиты.

Затягиваем хором песни
спокойные и задушевные.
Парят, как дымка, в поднебесьи
слова простые и волшебные.

Полны всегда надежд вечерних,
что утром обретём свободу...

Великий дар российский – черпать
из ничего живую воду.

посвящается понедельнику

МУТАЦИЯ

(стихопатология)

1977

Некоторые стихотворения цикла

Растрёпанный
и непричёсанный хожу,
ботинки расшнурованы
и мне не жмут...

ДИАЛОГ С БИОЛОГОМ

- Время потеряно.
Нет горше утраты. По неведомому беззаконию
мы не люди
и не звери,
мы мутанты.
 - Говорил биолог, мой знакомый.
- Препаршивая ситуация:
 радиоактивные льют дождики,
 начинается мутация -
 - дожили!

К примеру:
если тянет выпить белого муската
или красного вермута,
значит стал ты мутантом,
вернее-верного.

Если тошнит тебя от поэзии,
хочется выть и метаться,
скажу по секрету -
депрессия
тоже мутация.

А эти, как их, акселераты
- акробаты и арестанты -
ни в чём, конечно, не виноваты
и всё же - мутанты.

А именно:
если в ребёнке есть что-то наглое,
если ребёнок усат
и выше тебя на голову
- значит мутант.

Чувствуешь, воздух будто студень?
Всем - всё - до лампочки!
Азия!
Ходят по земле не люди
- шимпанзе с мозгами бабочки!
Безобразия!!

НЕТ МОЧИ ТЕРПЕТЬ!
Бей мутантов, черепа им крои!
Сгноим их в тюрьме,
потопим в крови!!
Бей мутантов, от них всё зло!
Точите, граждане, зубы и ножи! -

- сказал биолог
и без лишних слов
об стену голову размозжил.

Я отворачиваюсь в сторону безразлично
(всеми тремя головами),
стучу чешуйчатым и длинным
хвостом оземь нетерпеливо
и выползаю из развалин...

ПАЛАТА N***

Прорывается крик из молчания,
Крик Изначального -
по городу,
как по вокзалу,
Бродит душа одичалая
Бронированным динозавром.

Жёсткие узкие кровати
стоят в аккуратный рядок.
Сосед справа просит:
- Скорее мне дайте
воды глоток!

Какие-то белые стены,
какие-то люди в халатах...
От каждой брошенной тени
веет больничной прохладой.

- О, боже опять эти белые стены! -
- эхом проносится крик.
Кто-то подходит к моей постели.
Как он сюда проник?

Мостовая в позолотце
от бурой грязи.
НА ВОСТОКЕ тлеет солнце
кровоавой язвой...

Откуда столько света
и тепла?
Как жирная котлета,
НА ЗАПАДЕ луна...

Склонился ко мне
с лицом прохиндея:
- Скажите, пожалуйста,
кто вы?
и где я?

- А вы кто?
Не вижу на вас треуголки.
Вы, верно, не Бонапарт?
А-а, понимаю...
Вы просто убогий,
фигура в стиле оп-арт.

- Да нет же, помилуйте, мсье,
я зашёл сюда с улицы,
я совсем не такой как все...

- Значит "таким" скоро будете!

В голове пустота и туман.
Мысль моя!
Если можешь - пойми,
и не дай
сойти мне с ума
заодно с остальными людьми.

ОН...

Тянутся,
извиваясь как две змеи,
рука к руке,
выползая медленно из рукавов:
 изящно ОН
 подносит ей
 в бумажном кульке
целый конус
 красивых цветов.

КОШМАР

Человека вижу часто
со лбом, как экран осциллографа.
Каждодневно и ежечасно
из своего ползёт он логова.

Вот он идёт!
Голова незаБУДКОЮ.
Идёт вперевалку,
осклабясь как ящер,
и вспыхивает чёткое на лбу его:
"Оставь надежду всяк сюда входящий".

Вот он идёт!
В глотке стыннут слова.
Всё ближе стотонное тело,
и шепчет, покачиваясь, голова:
"Осторожно! Смертельно!"

Громаден рот его -
ковш экскаватора -
клыкаст, кровав и груб.
Ноги вас не слушаются, ватные,
теснит дыханье грудь.

Подойдёт,
рукою остановит за плечо,
прошепчет алчно на ухо ещё:
"Посторонним вход воспрещён!"
и всё...

Через джунгли, заросли, чащобу
продирается с дубиной питекантроп:
"Чтобы выжить,
глядеть надо в оба
и играть на нервах пиццикато".

Смертельные враги твои -
наивность и усталость!
Свирепы и строги
законы джунглей:
в силе - свобода и особая сладость,
и глаза - как два горящих угля.

Продирается из нас наружу
питекантроп
с глазами горящими злобой,
с головой как следящий локатор:
"Чтобы выжить,
глядеть надо в оба".

БЯКА

Постойте! Слышите? Я слышу!
Я слышу это каждый день -
как с крыши прыгает на крышу
хромое НЕЧТО, прячась в тень.

И вот спускается пониже,
и с крыши прыгает в окно...
Теперь отчётливо я вижу -
передо мной стоит ОНО!

Я предлагаю ему кресло
и сигареты, и вино...
Но
в ответ кричит мне резко,
оскалив пасть свою, ОНО:

"Нет никакого нам покоя!
На нас накличешь ты беду!
Ещё напишешь раз такое -
тебя с собой уведу..."

ЭПИЛОГ

Ни звука.
Ни слова.

 Душа истомилась -
меня тишина раздражала,
 мягка и сладка.
Я в стену по самую шляпку
 забил гвоздь
ударом одним молотка.

И вдруг - о, кошмар! -
из орбит вылезают глаза,
брови - о, ужас! -
 манерно и нервно
взлетают на лоб:
ржавая шляпка гвоздя
 поползла
вверх по стене, словно клоп!!

Первая мысль:
 "Помутился мой разум".

Вторая:
 "Откуда всё это взялось?
Мозги леденящий
махровый маразм -
экая невидаль,
 ползает гвоздь!"

Ни звука.
Ни слова...

ИСКУССТВО

Очень утомительно – раскрашивать пустоту.

ДИСКОТИЗМ

Вот.
Музыка, как вертолёт, падает на толпу,
её вращающиеся лопасти срезают головы.

Но так даже удобнее танцевать.

ГИМН

В моих стихах
нет ни ритма, ни рифмы, ни смысла.

В моей песне
самые простые слова.

И у меня
достаточно противный голос,
чтобы спеть её.

Прямо под окном всю ночь
дралась и визжала свора собак –
наконец-то я мог
спокойно выспаться,
не думая ни о чём.

Вдоль строки пробежало, семена ножками, насекомое,
взгляд проследил за ним,
а вернувшись на строку
взгляд заметил,
что ускользнула и мысль.

К Л Я К С Ы Р О Р Ш А Х А

"Как всем известно,
Кляксы Роршаха - это
психоаналитические тесты
на способность различать
и видеть образы,
созданные воображением."

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Постепенно
закат к горизонту примёрз.
У ног розовела и пухла земля -
клюквенный морс.
Мягко обнюхивал ветер меня,
будто огромный взъерошенный пёс.

Мгновенья
бурлили как сытное варево,
секунды
спадали как дождь или занавес,
минуты
летели, ползли и казались мне
насекомopodobными тварями -
ВРЕМЯ было живым, осязаемым,
тёплым и душным, как валенок.

Сквозь суету и скандалов потрапу -
словно сиреневый куст прорастает
в тёмном саду
среди чёрных деревьев,
не озлобляясь и не зверея, -
Художник
рождает Пространство,
Поэт
рождает Время.

И,
раздвигая тяжёлые ветви,
как отворяя тяжёлые двери,
ты убеждаешься снова и снова:
если
Пространство рождается в цвете,
Время рождается в СЛОВЕ.

Сминая травы ржавые
скачут лошади.
Клубится над лугами ржание -
Кляксы Роршаха.

Игра -
безумная радость полёта -
над миром парить, как Икар,
огнём опалённый.

Игра -
расправив руки, полететь
с крылатым шорохом.
Глаза на выпуклом лице -
две Кляксы Роршаха.

Лететь, опережая свист,
забыв про насморк.
А если камнем вниз -
то лучше насмерть...

Промучаюсь всю ночь без стона
принцессой на горошине.
Мой сон истолковать - пустое!
Клякса Роршаха.

Стеной темнеющей и ровной
стоят деревья.
Луна на небе бронированном -
глазок тюремный.

Как экзотическое растение,
диковинка, придасток роскоши,
Поэзия, в какой-то степени,
те же кляксы Роршаха.

Захлопнись, пасть небес
с бесшумным лязгом!
Казалось бы,
нет безопаснее
и проще кляксы...

Вдоль строк ползёт сухой лишайник,
уныло и заброшенно.
Слова расплылись и смешались
в кляксы Роршаха.

Не жажду возмездия
за невозданное в прошлом.
Живопись и Поэзия,
связующее - Роршах...

- РЕРИХ ?

МУЗЫКАНТ

- Складывается такое впечатление, что Человечество сидит на чемодане и ждёт поезда.
- идея-фикс:
"надо дышать,
а нечем".

Вблизи
небосклона тяжёлого от бензина
солнце ворочается в заоблачной грязи,
вывалив алый собачий язык.

Огромной
каплей на стекле оконном
закат оранжевый дрожит в агонии -
он от жестокой не ушёл погони!

Удача!
Скрой взгляд нетерпеливый и алчный.
Бьётся полотнище флага на мачте.
Трудно заставить всех думать иначе.

Бунт!
Прорастает сквозь тело стрелю бамбук.
Бубновым тузом разрисует судьбу.
Прячь, обыватель, свой череп в сундук.

Помню:
в шарме
бутылей тряс шейкером бармен.
Коктейли в стаканах сияли, как лампы.
Смеси стекали по горлу, как скальпель.
Люди глазами кого-то искали...

Убийство.
Струйкой рубиновой
сыплется бисер.
Чтобы от случая глупого не зависеть,
качайте
почаще гантелями бицепс!

Застолье
хорошее время для скандальных историй.
Вот-вот войдёт новоявленный Аристотель,
словно блуждающий астероид.

Канальи!
Непродохнуть от перегара сального.
Устроили дебош и вакханалии
хулиганы и похабники.
Доконали.

Брожу ли,
задорный, весёлый и жуткий,
слежу:
встречные лица -
когда-то цветущие джунгли -
теперь опустелись, поблели, пожухли
в тумане ажурном.

Гангстер
семизарядную насвистывает гамму.
Сказать любимой "Ты прекрасна!"
оказывается
так же просто, как ограбить кассу.

Богатство.
Будто медведя в берлоге,
душу облагают.
Факелы волосатых пороков не гаснут.
Оказывается,
затянув потуже модный галстук,
ниггера топтать ногами -
от невроза лучшее лекарство!

Обозлился.
Стало телу муторно и склизко.
Зашёлся город поросычим визгом,
когда я явился с лицом василиска.

Косматым гризли
иду, ослабившись, навстречу риску -
не хочу, чтобы меня разгрызли,
как прилипшую к зубам ириску!

Нерв.
Где-то посередине разомкнулось реле.
На отпечатавшийся в памяти барельеф
льётся тягучий и клейкий елей...

Больно!
Из-за туч разворачивается, точно "Боинг",
больная душа - мясник и разбойник.
"Сейчас я устрою ужасную бойню!"

Больно!
Под тяжким вздохом мегатонной бомбы
земля расплзается синей амёбой...
"До неба дошли твои клятвы и мольбы".

Хранимы
веками
под пыльной хламидой
бомбёжек руины
с оскалом
ехидным.

Мадонна!
Рассвет гудит расплющенной валторной.
Не Солнце сияет - жёлтенький доллар.
Прошло насквозь карманы и ладони.

Мадонна!
Оттопыривают уши гиреподобные
догмы.
Веселит и оглушает вздорный
допинг.
Вымерли мамонты и диплодоки.

Х У Д О Ж Н И К

- Складывается такое
впечатление, что
поезд опаздывает.

идея-фикс:
"Луна заслуживает
того, чтобы на неё
выть".

Уютно
когда законный свирепствует холод лютей,
спать на диване в сиянии тёплом и лунном
с красоткою юной.

Уютно
лежать как варенье на блюде
или висеть среди зала сверкающей люстрой
наподобие флюса.

Как жемчуг
просвечивает раковину желчью,
светит розовое тело через джемпер
и перламутровые губы что-то шепчут.

Дерзай!
Взрыву подобен твой пыл и азарт.
Ты молод, упрям, твои плечи – базальт,
струится по жилам не кровь, а бальзам.

Самозабвенно
в котле ночи заваривает похоть ведьма.
Косит на запах злые бельма,
алкая зелья сладкого отведать.

Забрались
в бесшумном
экстазе,
шустро
вскарabкались приторные соблазны,
кривляясь надсадно и безобразно.

Улица
в себе замкнулась скользкой устрицей –
белёсое и очень уж невкусное.
Есть от чего грустить и ссутулиться.

Узником
день заскучал, помрачнел и скуксился.
Нет кошмарнее экзекуции,
чем бродить по этой самой улице!

Поникли
дома.
Поблёкли стеклянные блики.
Сумерки снизошли мягкие и липкие.
Засветились молекулы и пылинки.

Поникли
плечи площадей безликих.
Город казался до боли родным и близким,
город опустошённый и безъязыкий.

Вечер
был благороден, строг, безупречен.
Смотрел в упор на меня как Винчестер,
прямо и честно.

Ветер
строгал как рубанком шершавые ветви,
носился по саду разъярённым вепрем,
лопались стёкла,
хлопали двери.

Вровень
с карнизами окон сугробы.
Падает тенью в сугробы твой профиль –
видны на снегу и ресницы, и брови...

Аминь!
Скрипя половицей, крадётся вампир.
Ты его криком не торопи.
Никто не услышит, вопи – не вопи!

Аминь!
Филином гулко заухал упырь.
Кругом ни души,
но не бойся, глупыш!
Страхи, как угли в камине,
кочергой воображения не вороши...
Аминь!

Рассудок
перекашивается от судорог,
когда появляется в зеркале утром
твое лицо, доведённое до абсурда!
Тушью выполненный рисунок –
щёки в помаде и пудре.
Сумрак.

Прохладно,
простуженно, бархатно
мяукает ужас утробный
среди беготни и барахтанья
привидений в сугробах...

Взаперти
голод рисует чудеснейшую из картин.
Как укротить
разгорающийся аппетит
свистящих ножей гильотин?

Под богом
на крышах светом вороша,
заглядывая в окна,
луна сомнамбулой тихой прошла,
сверкнув кошачьим оком.

Нагая,
округлая как легато,
буйная как Ниагара,
влюблённая как аллигатор,

перейдя границу нелегально,
вошла без стука,
единственным глазом мигая.
Дорогая!..

Бешеный аппетит.
Голод всасывает воронкой,
фонтаном в небо бьёт слюна:
с шипеньем катаясь как в масле
на закопчённой сковороде
в звёздной искрящейся массе,
визжа и дрожа как юла,
жарится жадно ЛУНА.

Запахло в воздухе яичницей.
Настроение отличнейшее!
Прекрасная яичница - не надо ничего другого!
Оказалось:
не любовь похожа на голод,
а голод - на любовь.
Рот полон острых белых зубов,
как коробок полон спичками.
Сердце цокает в ритме синкопическом.
Рука берёт, как нож, не дрогнув,
с неописуемым восторгом
снегов серебряную чернь
и...
Нечто, напоминающее тревогу,
стало микроскопическим,
стало почти ничем...

- Складывается такое
впечатление, что
поезда здесь вообще
не останавливаются.

Идея-фикс: "взгляд острый,
отсюда хрупок и тонок.
Боязнь зацепиться своим
острым взглядом. Не лучше
ли ходить с закрытыми
глазами. На ощупь".

Ворон -
сине-чёрных перьев ворох -
с белками рыхлыми как творог,
распространяя дух тлетворный,
гаркнет по

Эдгару По
"Never more".

Хитёр он и проворен,
ворон мой!

Отторгнув,
как тело инородное и лишнее, истому,
я спрячу
подальше немые свои восторги
и пожалею,
что нет у меня ни патрона.

За вуаль
воспоминаний прячутся глаза.
Отзовись!
Память похожа на шумный бульвар -
опять зовут куда-то голоса -
куда-то вниз.

Невнятно
болотное чмокание и бормотание.
Тянет падалью и тухлятиной.
Слякоть.
На мхе от сапога с подковкой вмятина.
Трясина крепко держит тайны.
(Беду не накликай!
Сапог с подковкой - это улика!)

Память.
Ямка
на щёчке обворожительна и приятна.
Мягко
пахнет осенним яблоком.
И чем-то ещё, кажется мятой,
но не явно.

Память.

Глыба
беломраморных и игривых
окаменевших улыбок
размягчается, будто под пальцами глина.

Опускаю
на самое дно батискафа.
Забуду зудящий фальшивый дискант
пули трассирующей у виска.

Заветы
древние пыльны и ветхи.
Память обветшалась.
Человеки
лохмотья эти одевают для потехи.

Зарыли
в красивые фразы, как в травы сырые!
Такой глубокий вакуум открыли,
что мозги
запузырились.

Взывает волком
праведная лира.
Взывает, не умолкнет.
Несправедливо!

Лишена
символического смысла мнимая величина
жизни, что в порочный круг вовлечена,
как в тракт кишечный ветчина.

Криво
полоснёт блестящей бритвой -
в ритме
жизни
брызнет
кислый и дешёвый рислинг -
не справедливо!

Да, повиснув куклой на гвозде,
без устали весь день
легко галдеть:
"А справедливость где?"

Комары
в ореоле крылышек летят на фонари -
ты, заглатывающий литрами аквамарин,
летишь глазами на мерцающий огонь зари...
В багровый
клубок сплелись микробы,
сурово,
упрямо требуя крови
и мяса сырого.

На плахе
за миг до взмаха -
эшафот обтянут красным бархатом,
чтобы дам в партере
не шокировать пустыми страхами.
Представьте,
человечья кость под топором белее сахара...

Граната
вырвет сердце с корнем, как тараном,

и побежит по телу быстрый и мохнатый
тарантул,
разбрызгивая сок томатный.

Аксиома:
нить, связующая Время, невесома.
Синдром
гномов...
Нас окружают полчища и сонмы
плетущих паутину насекомых.

Нелепо
подобострастие и раболепство.
Небо
источает тусклый запах склепа.
Боязнь ослепнуть
зудит в стене стрелой из арбалета.

Мокро.
Громовый клочок -
меч дамоклов, -
вода на лоб падает, словно
белокурый локон.
Светло от молний.
Мокро.

Треск! -
внезапно как из обреза,
резок
карикатурный удар карате.
Бушует мозаичный гротеск
в заоблачном глубоком декольте.

Воистину,
высилась Осень, мрачна как Бастилия.
Дороги костями своими мостили
листьев желтеющие пластины.

- Негоже вмешиваться смертным в ход историй... -
сказал, смеясь, Сын плотника Властям:
- Возможно ли что дельное построить
на одной лишь вере,
без единого гвоздя?..

П О Э Т

- Интересно, о чём думает
электрическая батарея,
когда пытается пропус-
тить ток через бревно?
- Паровоза вам нет?
Пошли, ньтики, пешком!
- Идея-фикс?
Беру за фук! -
комплекс ком-
промисса и
компромата.

Вижу:
фиолетовые сучья вишен и яблонь.
Калитка в сад.

И тихий вечер -
будто стёганое одеяло,
накинутое на озябшие плечи.

Вдоль забора узкая тропинка.
Свинцовый воздух травами пропитан,
и пьёшь его, как дьявольский напиток,
настой смородины с крапивой.

Сожалею
о многом. За ширмою лет
на шее коралловое ожерелье,
руки от счастья отяжелели,
лаская лиловое желе.

Но легко -
как катится велосипед
с шуршаньем под уклон,
как пропускает свет
прозрачное стекло -
наутро выпиваю молоко
одним глотком.

Овалы.
Остался глоток синевы
в акваланге.
Мэтры седьми покачивают головами.
Если сможешь, докажи, что ты талантлив.

Наитие.
Что делать, если слова все похитили?
Под пеплом
Помпея,
свершилось стихийное,
остались в удел колдовство и алхимия.

Приятно.
Мысль кругла как шар бильярдный.
Без числа в стакане
капель валерьянки,
и дышится трудно в пыли
бриллиантовой.

Аллергия
на апельсины и религию.
По кругам ада проведёт старик Вергилий
и вырвет душу,
как страницу из любимой книги.

Заражая болезненной меланхолией,
рядится в чёрные балахоны
осенняя ржа.
Бетховен,
мой гений единственный и верховный,
дарит в минуту усталости греховной
свой медленный жар
и стремительный холод!

Словно абориген
чуждый цивилизованной богеме,
вёслами плеща в пироге по реке,
просится украсить холст Гогена, -

Апостол
в собственной крови бредёт по пояс.
Да, глупость. Поза.
Сначала он будет толпою опознан,
а после
его в темноте продырявит что-нибудь острое,
как билет автобусный - компостер.

Пulsирует аорта.
Корявый
из-за поворота
взрыв в лицо автомобильной фары -
отпустят какого-нибудь Варавву,
а ты останешься звенеть струной на арфе...

Но хватит.
Стинуло, срезалось.
Прочь, сознание отравленное!
Трезвость.
Я голоден - значит выздоравливаю.

Слеза небесной акварели,
вкус вишнёвого варенья...

Настороженно, как "Болеро" Равеля,
шнуром бикфордовым
потрескивает Время.

КОНЕЦ

Редакция: Издательство "Шесть Поколений"
Анкоридж, Аляска, США
9048 Little Brook Street, Anchorage, AK 99507-4922, United States

Корректурa: Фёдор Соловьёв, soloview@gci.net
Сборник "Необоснованность" является частью мемориального фонда Кёнеманов в России.